

Слабеющая хватка Кремля в Средней Азии

Если верить говорящим головам Кремля, то война на Украине укрепила позиции российского империализма среди стран так называемого Глобального Юга. О том, что из себя представляет этот самый Глобальный Юг и как там изменились позиции Кремля, мы как-нибудь обязательно напишем, в этой же статье посмотрим на то, как изменился вес России на её ближайшем Юге, в её *мягком подбрюшьи*.

Российское информационное агентство “Интерфакс” 26 декабря 2024 года со ссылкой на главу “Газпрома” Алексея Миллера сообщило, что Россия по итогам года поставила в КНР *«где-то около 31 млрд кубометров газа»*. При этом издание подчеркнуло, что “Газпром” становится крупнейшим поставщиком трубопроводного газа в Китай, *«с большим запасом обойдя Туркменистан»*. Обоснованность этого заявления вызывает сомнения, поскольку, сколько газа поставил Туркменистан в КНР по итогам 2024 года – неизвестно. В 2023 году сообщалось, что объём ежегодных поставок газа по трубопроводу из Туркменистана в Китай составляет около 40 млрд кубометров. В любом случае, даже если по каким-то причинам в 2024 году Туркменистан значительно снизил поставки газа в Китай, российскому империализму стоило бы кусать локти, а не хвастаться: 31 млрд кубометров газа – это в 6,5 раз меньше, чем РФ поставляла в Европу в лучшие времена до начала полномасштабной агрессии против Украины. Кроме того, не следует забывать о том, что Китай, пользуясь моментом, покупает российский газ за полцены. В этой ситуации “Газпрому” не остаётся ничего иного, как бравадно отчитываться о недоказанной “победе” над Туркменистаном.

Китай, контролирующий более 70 % мировых производственных мощностей во всех категориях генерации “чистой энергии” (за исключением водородных электролизёров), добился взрывного роста её генерации. И хотя по-прежнему примерно 62 % потребляемой в Китае энергии дают ископаемые источники, ожидается, что в ближайшие годы этот показатель будет снижаться, в том числе благодаря замедлению экономики КНР, а также росту производства энергии из возобновляемых источников (ВИЭ).

Вероятно, всё это как минимум частично объясняет недавнее решение руководства КНР отказаться от российского мегапроекта по прокладке газопровода в Китай через территорию Казахстана мощностью 35 млрд куб. м газа в год, а также нежелание Пекина поддержать строительство “Силы Сибири – 2” с пропускной способностью в 50 млрд куб. м, что ставит российский империализм с его ориентированной на экспорт углеводородов экономикой в крайне неприятное положение.

Изменения в энергетике Китая, вероятно, сказались на недавнем решении Туркменистана диверсифицировать направления экспорта голубого топлива, включая запуск поставок в Турцию. Возможно, именно реализация этого проекта стала последним гвоздём в крышку гроба мертворождённого турецкого газового хаба, с которым Кремль носился с 2022 года. Кроме прочего, проект свернули как минимум по двум причинам: ограниченные мощности турецких газопроводов в Южную Европу и нежелание Анкары продавать газ вместе с “Газпромом”.

Потеряв европейский рынок, “Газпром” очень надеялся на развитие восточного и южного направлений экспорта. Но потеря рынков как минимум означает сокращение доходов, а следовательно, инвестиционных возможностей. В случае с “Газпромом” речь идёт об убытках: в 2023 году они приблизились к 7 млрд долларов, в 2024-м достигли порядка 10 млрд. На этом фоне “Газпром” был вынужден выйти из ряда проектов в Боливии, Индии, Таджикистане, Узбекистане и Венесуэле. В частности, компания отказалась от проекта “Шахпахты” в узбекском Каракалпакстане. Более того, “Газпрому” пришлось направить свой газ в Среднюю Азию по практически бросовым ценам. На данный момент эти поставки примерно в шесть раз меньше объёмов, покупаемых Китаем.

В этой борьбе за рынки сбыта российский газовый монополист выступает в качестве орудия Кремля, который сегодня стремится пополнить казну, но при этом не хочет терять влияние в важном для себя регионе. Свою игру ведут и правительства среднеазиатских государств. Так, по данным агентства ТАСС, министр иностранных дел Кыргызстана Жээнбек Кулубаев 15 апреля объявил, что Бишкек рассматривает альтернативы топливу из России, намекнув, что растущий интерес Кыргызстана к диверсификации связан с грубым обращением с кыргызскими гражданами во время недавнего рейда в одной из московских бань. Переводы

от мигрантов составляют важную часть бюджета среднеазиатских государств – особенно это касается Кыргызстана и Таджикистана.

Не газом единым ограничивается борьба за рынки в Средней Азии. По данным Главного таможенного управления КНР, объём товарооборота Поднебесной со Средней Азией в 2024 году составил 94,8 млрд долларов, что на 5,4 млрд больше, чем годом ранее. Примерно 46 % торговли пришлось на Казахстан (43,8 млрд), почти 24 % составила доля Кыргызстана (22,7 млрд), около 14,5 % на Узбекистан (13,7 млрд), чуть более 11 % на Туркменистан (10,6 млрд), на Таджикистан пришлось 4 % (3,8 млрд). Цифры российского товарооборота со странами Средней Азии, которые приводит 12 марта “Независимая газета” в статье с говорящим названием “*«Дрейф от России» – фейк*”, скромнее: с Казахстаном 27,8 млрд долларов, с Узбекистаном 10 млрд, с Кыргызстаном и Таджикистаном – 3,2 млрд и 2 млрд соответственно.

Россия пока сохраняет лидирующее положение в торговле с Таджикистаном, причём свыше 90 % товарооборота между странами в 2024 году осуществлено с использованием российского рубля. При этом в 2021 году на рубль приходилось 50 % товарооборота. По данным статистического ведомства Таджикистана, общий объём товарооборота между странами в минувшем году увеличился на 15,6 % по сравнению с 2023 годом. Доля России во внешнеторговом обороте Таджикистана в 2024 году составила 22,1 %, а Китая – 21,8 %. Но торговая динамика отнюдь не в пользу Кремля. Лишь за последний год рост товарооборота Таджикистана с Китаем составил 30,1 %, что почти в два раза больше, чем с Россией.

Сделаем необходимое отступление. Методология учёта товарооборота в Китае и государствах бывшего СССР отличается. В связи с этим данные по Таджикистану расходятся на 50 %, по Узбекистану и Китаю примерно на 10 %, по Казахстану разница составляет около 32 %, а по Кыргызстану – в 4 раза. Во всех случаях речь идёт о превышении китайских показателей. В случае с Кыргызстаном разница, например, связана с зачётом транзитных грузов. Не следует забывать, что Средняя Азия играет важную роль в цепочках поставок на российский рынок так называемого “серого импорта”.

Как бы то ни было, с 2022 году прирост торговли КНР со странами Средней Азии составил примерно 35 %. И, судя по данным экономической статистики, этот тренд продолжится.

В свободной экономической зоне (СЭЗ) “Хоргос – Восточные ворота” в Жетысуской области Казахстана 17 января был дан старт строительству завода по производству ветрогенераторов и систем накопления энергии – проект реализуется совместно ТОО “Казахстанские коммунальные системы” и китайской Envision Energy. 60 % производимой продукции планируется направить на казахстанский рынок, а 40 % – на экспорт в страны Средней Азии и Южного Кавказа. Проект привлёк внимание ведущих китайских СМИ, например, газеты “Жэньминь Жибао”.

16 января в Ташкенте состоялся бизнес-форум Узбекистана и Китая, в котором приняли участие более 400 представителей компаний из обеих стран. Во время мероприятия было отмечено, что КНР – крупнейший торговый и инвестиционный партнёр Узбекистана. По итогам 2024 года объём китайских инвестиций в страну превысил 10 млрд долларов. Китай в 2024 году впервые за всю историю опередил Россию по количеству предприятий с иностранным капиталом в Узбекистане. По состоянию на 1 января 2025 года в стране действовало 3357 китайских предприятий, что на 43,6 % больше, чем в 2023 году. Число компаний с участием российского капитала сократилось до 2937, на 3,5 %.

На долю Китая пришлось более 81 % всех поставок автомобилей на узбекский рынок. При этом, как отметило издание *UZ24*, впервые в истории импорт электромобилей и гибридных машин превысил ввоз бензиновых транспортных средств. Узбекистан попал не только в автомобильную зависимость от Китая, но и кондиционерную. Издание *UzDaily* отметило, что более 96 % поставленных за прошлый год кондиционеров были произведены в Китае.

Туркменистан стал единственной страной Центральной Азии, которая имеет положительное сальдо торгового баланса с КНР, – обеспечить подобную статистику Ашхабаду удалось исключительно за счёт поставок газа.

Борьба за влияния и рынки Средней Азии не ограничивается только Москвой и Пекином, в ней также участвуют США, ЕС и другие игроки унитарного империализма. Например, турецкая оборонная промышленность претендует на лидирующие позиции на растущем рынке беспилотников. В 2022 году, после российского вторжения на Украину, Казахстан

подписал меморандум о военно-техническом сотрудничестве с Turkish Aerospace о сборке и техническом обслуживании ударных БПЛА “Анка”. Кыргызстан также приобрёл беспилотники турецкого производства, в том числе “Акынжи” и “Аксунгур”, а Туркменистан предпочёл “Байрактар”. В армии Узбекистана уже находятся на вооружении БПЛА “Байрактар ТБ-2”.

По итогам 2023 года товарооборот между Турцией и Казахстаном составил рекордные 6 млрд долларов, с Узбекистаном достиг 3 млрд. Турция входит в пятёрку основных торговых партнёров пяти стран Средней Азии, а для Туркменистана Анкара является экспортёром номер один на протяжении последних лет, обогнав КНР.

Турция намерена реализовать амбициозную задачу – создать тюркоязычный аналог ЕС, реализуя концепцию “Великого Турана” под лозунгом “много государств – одна тюркская нация”. В этом ключе была принята “Концепции тюркского мира до 2040 года”, которая намерена обеспечить единство тюркского мира во всех областях: от алфавита и понятийного аппарата до взаимодействия в политической сфере и сфере безопасности, экономике, в сфере транспорта и таможни, информационных и коммуникационных технологий, энергетике, туризме, здоровье и защите окружающей среды, развитии сельского хозяйства. В этой связи создано объединение более 40 университетов TURKUNIB с Орхунским процессом – это аналог Болонского процесса в тюркском мире.

Регион с 82 миллионами населения, среди которых почти половина – молодёжь, а темпы демографического роста за последние 20 лет составили 1,6 % в год, не может не привлекать внимание империалистических хищников. Ограничимся одним примером: сайт Агентства миграции Узбекистана предлагает 17,9 тыс. вакансий в России и 32,1 тыс. – в Германии. Пока идёт борьба за молодую рабочую силу, но завтра эти молодые руки могут понадобиться, чтобы держать автоматы в новой Большой игре с участием большего количества игроков. Пролетарский интернационализм должен найти путь и к этому молодому отряду класса наёмных рабочих.

Июнь 2025 г.